

Запрет на студентку

Автор:

Мария Летова

Запрет на студентку

Мария Летова

Холостяки #1

Юная студентка Стрельцова – образец того, с чем молодой перспективный преподаватель Александр Романов ни при каких обстоятельствах не стал бы связываться, но чем чаще эти двое встречаются, тем больше секретов у них появляется. Содержит нецензурную брань.

Мария Летова

Запрет на студентку

Глава 1

Романов

– Погоди... – тянется Рус пальцами к носкам своих кроссовок. – Так ты женился на той сестре Вайнштейна, которую за гостевым домом оприходовал?

– Нет, – подтягиваю к груди сначала одно, потом второе колено. – Та была другая сестра, Карина.

Он тихо смеется, вращая корпусом и качая головой.

– И я ее не приходовал, – добавляю, осматривая присыпанный снегом парк. – Мы просто тусовались вместе.

Последнюю неделю температура не поднималась выше минус десяти. В носу стынет воздух, и я застегиваю молнию олимпийки под самое горло.

Кровь еле-еле, но разгоняется, так что холода почти не чувствую.

Снега в этом году толком и не было, поэтому, когда он ни с того, ни с сего, вдруг начинает сыпать со всех сторон, присвистываю.

– Че с фонарями-то у вас? – спрашиваю Чернышова, кивая на тускло освещенную дорожку. – Половина не горит. Мэр ты или кто?

– Я два дня мэр, – отвечает он, тоже осматриваясь.

У замерзшего пруда мужик с доберманом. Без намордника.

Хмурюсь, приседая.

– Как ты вляпался так, до сих пор не пойму? – достав из кармана телефон, наш новый мэр стягивает зубами перчатку и фоткает парковую территорию.

– Обыкновенно. Тебе, что ли, не знать?

– У меня другое, – говорит мрачно.

Вдохнув поглубже, выпускаю изо рта белое облако пара.

В последние полгода я солидно забил на тренировки, и на то была веская причина – я получал свой самый незабываемый и бесценный жизненный опыт, и мне не только на тренировки пришлось забить.

Мой жизненный опыт зовут Яна, и когда я на ней женился, думал, что совмещаю приятное с полезным. Во-первых, у нее третий размер груди и много интересных навыков, во-вторых, ей двадцать, в-третьих, ее отец возглавляет департамент здравоохранения города, и это весьма полезное для меня знакомство. Но ни один из этих фактов не смог компенсировать мне моих выскобленных до донышка мозгов, шести месяцев полного охреневания от происходящего и пары седых волос на моей башке.

– Просто никогда не связывайся с малолетками, – советую, снова присматриваясь к доберману.

Собака ведет себя смирно. Легко задирает заднюю лапу и оставляет на снегу желтое пятно.

Отвернувшись, начинаю разминать корпус.

– Я даже не знаю, где они обитают, малолетки твои, – усмехается Чернышов.

– Не мои.

Смеется.

– Ты, однако, встряхнул курятник, – глумится Рус, глядя на дисплей. – На восемнадцатилетках у нас пока никто жениться не додумался.

– Ей двадцать, – говорю вежливо.

У нас-то и разница была всего семь лет, но не суть. В данном случае – это как семь световых лет.

Присев, проверяю шнурки.

Это всестороннее стебание капитально замахало. Я уже месяц как «статус "свободен"», и смешного во всем этом нет ни хрена.

Главное, что я вынес из своего короткого брака – это то, что когда я немного приведу в порядок свою изнасилованную психику, на пушечный выстрел не

подойду к женщине, которая будет моложе двадцати пяти или даже двадцати шести лет. А в идеале я бы предпочел, чтобы ей было слегка за тридцать, но точно не двадцать, мать его, лет.

Двадцатилетние меня больше не вставляют.

Как и беспричинные капризы, от которых несет лютой жестью, вечные опоздания (без объяснения причин), слезы по поводу того, что в понедельник вечером я явился домой без цветов, таскания по тусовкам с пятницы по воскресенье, ресторанная еда семь дней в неделю, упрямое планирование Нового года на Мальдивах, в то время как мой отпуск запланирован на летние месяцы, и никакая бронь не сможет изменить утвержденного ректоратом графика зимней сессии в передовом техническом вузе, где я заведующий кафедрой научных разработок. И все это без учета недоразвитого мировоззрения, чего я по тупости не заметил изначально, потому что был сосредоточен на горизонтальной плоскости наших отношений. Эта плоскость могла бы затмить все другие, если у моей бывшей жены был чуть более прокачанный мозг, то есть, хотя бы лет на пять вперед.

Вряд ли в обозримом будущем я вообще задумаюсь о новых отношениях. Меня немного ведет от одной этой мысли, но я готов рассмотреть адекватные варианты, просто чтобы ускорить процесс своего морального выздоровления.

– Ну что, погнали? – возвращает Рус телефон в карман.

– Угу... – перехожу на трусцу, с удовольствием отмечая, как начинают разогреваться мышцы.

Если весной хочу бежать марафон, пора начать нормальные тренировки.

Делаем большой круг вокруг пруда, и ко второму заходу начинаем ускоряться.

Постепенно голова отключается, а легкие начинают гореть и качать воздух.

Здесь отлично чистят дорожки, но если считать ворон, можно лихо поломаться. В целом же, после реконструкции тут только пара неровных мест.

В ушах немного фонит от собственного дыхания, но даже через этот шум я слышу отдаленный свист и собачий лай, а следом за ним пронзительный женский крик...

Переглядываемся.

Меняем направление, не сговариваясь. Выскочив на соседнюю дорожку, осматриваемся.

Пусто.

Стараюсь успокоить дыхание, впиваясь глазами в кусты, аллеи и тени.

Прислушиваюсь.

Чернышов дышит рядом, делая то же самое.

Отдаленные голоса, звуки шагов и слабое освещение мешают сориентироваться.

Снова лай и визг, только на этот раз такой, что у меня дергается глаз.

– Туда... – срывается с места Руслан, и я за ним.

Перепрыгнув через низкое ограждение, вылетаем на внутренний круг, прямо к озеру, откуда стартовали.

Там под фонарем визжит загнанная на скамейку девушка, а вокруг нее носится с лаем черный доберман.

Хозяина нигде не вижу.

– Стой, не торопись... – хватает меня за рукав Чернышов. – Саня, твою мать...

Скинув его руку, подбираюсь ближе к скамейке и тихо насвистываю.

– Романов... – слышу за своей спиной. – Не спеши...

Я слышу, как рыдает девушка. Ее страх задорит собаку, а крик пугает.

Псина отзывается на мой свист. Рыча, припадает к земле и агрессивно следит за мной из тени.

Дышу через нос.

Раз. Два. Три...

Примерный урон от ее нападения вскользь определяю, как клинический.

Сняв с головы шапку, медленно приседаю и загребаю в нее свежего снега. Успеваю отвести руку и забросить шапку в кусты до того, как черная взбесившаяся сука отправит меня на больничную койку.

Пячусь в сторону, уступая дорогу сорокакилограммовому пинчеру. С лаем бросается к кустам, безмозгло вклиниваясь в самую гущу. Из кустов летит скулеж, а за моей спиной кто-то, как в последний раз, дует в свисток.

Не спешу двигаться с места, как и Рус, которого вижу, обернувшись.

Поднеся к уху телефон, он не отрывает глаз от кустов, стоя в пяти метрах правее.

Из-за его спины появляется свет телефонного фонарика, а следом за ним запыхавшийся мужик с поводком.

Быстро перевожу глаза на скамейку, прямо на звук тихих, очень настоящих рыданий.

Первое, что бросается в глаза – обтянутые серыми ботфортами до самого бедра ноги. Тонкие каблук делают эти ноги очень стройными, несмотря на худобу. Неопределенного цвета короткая юбка формы колокола, короткая дутая куртка. Малиновая. Сиреневая шапка, толстой, очень толстой вязки, желтые варежки. К груди прижата безразмерная сумка, похожая на зеленый вязаный мешок...

Такого бреда в одежде я не видел никогда.

Дрожащая желтая варежка утирает нос где-то под воротом куртки, и я понимаю, что там у нас шок, потому что все хрупкое тело вдруг начинает колотить, а сама пострадавшая усаживается на корточки и обнимает колени руками. А потом начинает плакать так, что с деревьев сыплется снег.

Хозяин добермана уже с головой в кустах, а Чернышов где-то откопал нормальную такую дубину, поэтому я перепрыгиваю замерзшую лужу и подбегаю к скамейке.

– Эй, леди, – останавливаюсь над скорченной фигуркой, пытаюсь понять, с какого края к ней, мать вашу, подступиться.

Плачет. Громко и навзрыд.

Главное – не напугать.

Желтые варежки накрыли голову, будто мы ожидаем бомбоудара. На спине лежит специально взлохмаченная рыжая коса. Цветочный запах, совсем не зимний, дразнит нос.

– Блин, – бормочу и чешу затылок, а потом осторожно подхватываю под руку, чтобы не свалилась со своих шпилек и со скамейки заодно.

Пискнув, вскидывает голову.

Моргнув, смотрю в заплаканные голубые глаза.

На бледной коже красные пятна. Нос того же оттенка. Приоткрытые искусанные губы – идеальный бантик. И верхняя, и нижняя – одинаковой пухлости. Юное лицо – идеальное сердечко. Очень молоденькая и хорошенькая. Короче говоря, все то, от чего меня интуитивно тянет бежать без оглядки.

Млин.

Я бы засмеялся, но опять же, смешного тут нифига нет.

– Ты как? – спрашиваю, продолжая придерживать за руку.

Ее глаза шарят по моему лицу, моргают ресницами. Смотрят на мои волосы, которые я резинкой собрал на макушке, чтобы не мешали.

Вижу в этих глазах какое-то смятение, когда смотрит на меня, а потом вижу, как по фарфоровой щеке стекает слеза. Такая, которой можно напоить целый муравейник.

Разомкнув губы, девчонка сквозь слезы говорит:

– Она... меня укусила...

Не теряя времени, подхватываю ее на руки.

Пищит, но не сопротивляется. Втягивает голову в шею, почти полностью скрываясь за воротником куртки.

– Рус, – зову, развернувшись. – Ключи от машины, быстрее.

– Не прощаюсь, – в психах обещает он собачнику и трусцой бежит к нам.

На мое плечо опускается всхлипывающая голова, в остальном моя ноша ведет себя тихо, только колотится. Плюс ко всему, она по весу удобная.

Меня вдруг колет злость. Такая, что встряхивает. Если меня эта псина уложила бы на больничную койку, то девчонку могла бы загрызть насмерть, потому что весит та килограмм пятьдесят, не больше.

Подбрасываю ее повыше и, развернувшись, шагаю к центральным воротам.

За спиной шаги Чернышова. Обогнув меня, орет двум пацанам на параллельной дорожке:

– На выход, парни! Тут злая собака.

Его внедорожник припаркован прямо у ограды, и его уже подзамело. Срезав через газон, иду к машине, слушая всхлипы, которые стали больше похожи на икоту.

Свистит сигнализация.

Ухитрюсь одной рукой открыть багажник, и сажаю туда свою пассажирку.

Нас обоих обсыпает снегом, сорванным с крыши. Тряхнув головой, луплю перчаткой по плечам и груди. Адреналин в крови падает. Начинаю чувствовать собственный пот на теле.

– Наряд полиции, да, – вышагивает вокруг нас Рус. – В Парк Поколений, да.

Голубые глаза округляются и мечутся между мной и ним. Желтая варежка снова тянется к носу, вторая прижимает к груди сумку, на которой вижу россыпь белых вязаных цветочков.

Блин. Ну, совсем дитё. Но хорошенькая. Прямо ангел, но губы у нее просто адское аниме. Просто прикидываю, какие они на ощупь. Подняв глаза, натыкаюсь на все тот же округленный немигающий взгляд.

Мозги быстро встают на место.

Это даже не Яна. Это вообще полный детский сад. Она еще в том возрасте, когда со взрослыми мужиками без папы с мамой не разговаривают.

– Куда укусила? – спрашиваю, расстегивая свою олимпийку, и набрасываю ее поверх малиновой куртки.

Переводит на меня глаза и, поджав губы, тонким голосом говорит:

– За ногу... только... не трогайте, вы же не врач...

Слышу смешок Чернышова за спиной, и смотрю на свешенные с багажника ноги, обтянутые чем-то, напоминающим замшу. Выглядят они ни фига не детскими. Узкие лодыжки, ненавязчиво переходящие в округлые голени, колени и бедра,

до середины прикрытые юбкой.

– С чего ты взяла? – спрашиваю вежливо, замечая следы зубов на плотной ткани левого сапога, прямо под коленом, в районе голени.

Я не врач. Но я служил в армии в звании офицера и, в случае необходимости, мог бы совместить искусственное дыхание с иммобилизацией открытого перелома, используя перочинный нож и долбанную зубочистку.

Видимо, эти сапоги ее и спасли, но там под ними может быть повреждение мышц или связок. Смотря, как эта тварь ее ухватила.

Закусив губу, девушка хлопает ресницами и, в ответ на мой вопрос пожимает плечом, а потом смотрит на Руса и обращается непосредственно к нему:

– Вы мэр, да?

Сложив на груди руки, смотрю на Чернышова и выгибаю брови.

– Кхм... – потирает он заросшую челюсть. – Да.

– Можно с вами сфотографироваться? – просит она. – Для моего инстаграма. Я его развиваю, ну, знаете...

Положив на бедра руки, смотрю на свои кроссы, чтобы не ржать в открытую, потому что Чернышов сейчас в реальном ступоре.

Не думаю, что он когда-нибудь делал селфи. Если он фотографируется, это всегда, как на памятник.

После минутного зависания Рус прячет в карман телефон и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Люба... – полушепотом отвечает она, кутаясь в мою олимпийку.

Я тоже чувствую холод, поэтому дую на руки и прячу их подмышками.

– Существует такое понятие, Люба, как частная жизнь, – ораторствует он. – Ее неприкосновенность важна для любого человека, в том числе для мэра.

– М-м-м... – закусывает она губу. – Тогда извините...

Отведя глаза, смотрит на свои ноги. И выглядит это так, будто она просит его задвинуть это дерьмо кому-нибудь другому.

– Какого? – тянет Чернышов.

Проследив за его взглядом, оборачиваюсь и, запрокинув голову, ржу, потому что на маленькую парковку въезжает белый фургон с эмблемой первого телеканала города, а вслед за ним – полицейская «Нива».

Глава 2

Романов

Пресс-фургон выпускает наружу оператора и знакомые темно-бурые соболя. Пока плывут к нам, с наслаждением изучаю их хозяйку.

Я охренеть, как отвык от зрелой самодостаточности. Разговаривать с женщиной на одном языке и уровне эрудированности – это как запивать лобстера охлажденным «Дом периньоном», а когда у нее язык еще и физически талантливый...

Кровь частично меняет направление. Встряхиваю плечами и хрущу шейными позвонками. Дожил ты, Романов. Скоро от картинок плей-бойных заводиться начнешь, прямо как в пятнадцать.

С насмешкой встречаю открытый дерзкий взгляд.

Ноль жеманства. Полный комплект, и я уже три месяца на самообеспечении, так что выделяться не собираюсь.

– Привет, мальчики.

– Марго, – сдается Рус без борьбы.

Карие глаза Маргариты проезжаются по мне, пока стряхивает с плеча Чернышова снег.

– Романов, – смотрит через плечо. – Рада видеть.

– Рад, что ты рада, – возвращаю подмышки ладони.

Поправляет волосы и достает из кармана шубы репортерский микрофон.

Выглядит она сногшибательно.

Безупречный макияж, чёрные волосы гладкие и блестящие, духи дорогие и запоминающиеся.

Так уж повелось, что я Марго растрепанной видел только один раз в жизни, и ноги ее были у меня на шее. Как раз перед тем, как Яна снесла задний бампер моей «Ауди» своим «Мерседесом». Вполне возможно, вместе с бампером она мне ещё и мозги повредила, потому что когда я женился, особо не задумывался, на кой хрен вообще это делаю?

Диссертация и любимая работа тогда имели меня по очереди, так что простить я себя могу.

– Коля, – Марго машет рукой оператору, глядя при этом на меня. – Вот здесь свет отличный...

Алые губы за полгода стали полнее, и вряд ли сами собой. Смотрю на них, а потом в глаза. Делает их загадочными, и я даю согласие, даже не открывая рта.

Надув свой бантиком, улыбается.

– Дадите интервью, Ваше Величество? – стучит по толстовке Чернышова микрофоном. – По старой дружбе...

– Когда дама просит, – в тон отвечает он, складывая на груди руки.

– То джентльмен не должен думать о риске, – смеется Марго.

– Мой пиарщик с тобой бы не согласился.

– Тю, – снова смеется она. – Мы остороженько. Ты же меня знаешь.

– Начинай, – вздыхает.

Почесав бровь, улыбаюсь и смотрю на потерпевшую, про которую забыл.

На лице девчонки выражение такое, будто она час без перерыва сосала лимон.

Пухлый недетский рот поджат, и глаза сощурены. На фоне Марго выглядит еще большим ребенком.

Переведя на меня глаза, вдруг задирает нос и говорит:

– Я интервью не даю. Можно мне в травмпункт?

– Кхм... – смущаюсь, внутренне с ней соглашаясь.

Выгляжу полной скотиной, но она, вроде как, кровью не истекает и, судя по всему, рассчитывает отправиться туда на своих двоих.

Сбрасывает мою олимпийку и начинает самостоятельно выкарабкиваться из багажника.

Это «Ровер», а не «Жигули», так что быстро кладу ладонь на ее плечо и останавливаю.

– Сейчас помогу, – оборачиваюсь. – Руслан, брось ключи.

– Документы в бардачке, – лезет в карман спортивок и запускает в меня брелоком.

Ловлю его в воздухе, выбросив руку.

От Марго поступает еще один взгляд, который расшифровываю, как «позвони мне».

Киваю.

Соболей я, конечно, не потяну, но вина марочного достать в состоянии, как и обеспечить ей очень энергичный досуг без обязательств. «Энергии» во мне лютый переизбыток, как выяснилось минуту назад.

Глянув на багажник, Марго иронично гнет брови.

Тоже смотрю на девчонку.

Повесив на плечо сумку, выжидает, глядя на меня снизу вверх.

У неё припухшие веки и покрасневший нос. Выглядит малость несчастной, но в целом психически стабильной, хотя я не стал бы ее винить, если бы продолжила реветь.

По спине гуляет ветер. Перестаю чувствовать уши, поэтому тру их ладонями и быстро надеваю олимпийку, спрашивая:

– Документы с собой?

– Да, – отвечает тихо.

– В каком районе живешь? – пытаюсь прикинуть, куда ее потом везти.

– Здесь... недалеко... – отвечает с заминкой.

– Тогда погнажи, – подхватив под колени, беру ее на руки.

Вокруг шеи обматываются ее руки.

Обхожу машину. Тонкий слой снега хрустит под подошвами кроссовок. Через две недели Новый год, и этот год для меня был... разным.

Голубые глаза прямо напротив моих, все остальное, включая нос, спрятано под воротником куртки.

Спотыкаюсь об этот взгляд, подходя к пассажирской двери.

Тонкий цветочный запах посреди зимы ощущается странно, но это просто фигня в сравнении с тем, что она делает дальше – не мигая смотрит в мои глаза, а потом опускает их на мои губы.

Брови ползут вверх.

Не понял.

Показалось?

Не уверен.

Думать о наших контактирующих губах – еще больший бред, чем ее наряд. Таким, как она, полагается смотреть на губы пацанов-ровесников, а не на губы два дня небрившегося мужика, поэтому стряхиваю ее на сиденье под тихий возмущенный писк и захлопываю дверь.

Глава 3

Романов

– Вы всегда так водите?

Смотрю направо.

Повернув голову, косится на меня.

Рыжая коса лежит на груди, сиреневая шапка вместе с варежками сложена на коленях. Как ни странно, все это, вместе с курткой, каким-то образом сочетается. Видимо, выбор был осознанным, а не беспорядочным, как могло на первый взгляд показаться любому нормальному человеку. И это далеко не все сюрпризы, потому что коса берет свое начало с затылка, и там у нее черный бант в белый горошек, а в ушах снежинки на цепочках.

При такой любви к деталям боюсь представить, что там под курткой.

Это «вы» режет слух, но решаю оставить все, как есть.

– Как так? – уточняю.

– Как пенсионер, – смотрит в окно.

– То есть, соблюдая правила? – торможу перед пешеходным переходом.

Мой вопрос остается без ответа.

Если это была попытка завязать разговор, то неудачная.

К сожалению, помогать ей в этом вопросе я не буду. Даже если бы хотел, не думаю, что у нас найдется много общих тем для разговоров.

Сделав глубокий вдох, смотрю на дорогу.

На зебру высыпает орава матерей с санками и детьми.

В последнее время часто посещает мысль о том, что я бы не отказался от собственного. Наверное, это результат приближающегося тридцатилетия, или того, что жизнь плавно встала на проложенные рельсы, и придурку внутри меня слишком размеренно живется. Очевидно, ноги моего дебильного брака растут оттуда же. Возможно, мне просто надоел секс с женщинами, которых я не любил, или то, что ночка считается бурной, когда удалось уговорить друга выкинуть полсотни баксов на бутылку виски.

– Вы... эм-м-м... бегаєте? – слышу я. – В смысле... специально?

Дергаю губы в улыбке.

– Да. Не сматываюсь от собаки, если ты об этом.

Тихий смешок, а за ним тишина.

Бывает так, что попадаешь в «зеленый» коридор из светофоров, но почему-то такая фигня никогда не случается, если это действительно нужно.

Встав в среднюю полосу, беспрепятственно двигаюсь по проспекту, собирая свои зеленые светофоры.

Снег заметает лобовое стекло, поэтому включаю дворники.

Навигатор велит свернуть налево. Игнорирую, потому что вспомнил другую дорогу.

В салоне вдруг бахает Имперский марш.

Девчонка принимается суетливо копаться в сумке, бормоча:

– Блин...

Отключает звук и смотрит на экран, жуя губы.

Протянув руку, убираю звук на магнитоле, чтобы не мешал.

– Алло, – тербит пальцами косу.

– Второй раз звоню, – слышу приглушенную претензию какого-то мужика. – Ты че родная, совсем оборзела?

Голос нифига не стариковский, но и на пубертат не тянет. Тянет на тридцатку или около того.

Неожиданно.

– Я занята, – говорит быстро.

– Чем?

– Делами.

– Какими?

– Обыкновенными.

– Мимо еду, ты дома?

– Нет.

– А где? Давай заберу.

– Эм-м-м... – трет она лоб и ерзает по сиденью. – Эм-м-м...

Такой поворот событий был бы удобен нам обоим, но мое шестое чувство подсказывает, что сейчас этот мужик будет послан в задницу.

– Я... еще домой не собираюсь.

Оригинально.

– М-м-м... – тянет мужик. – А что с голосом?

– Нормально с ним все. Пока.

– Не понял.

– Я занята. Сказала же.

– А-а-а, – задумчиво. – У меня тренировка завтра, так что в универ – сама.

– Ладно.

– Ну, пока?

– Угу, – кладет трубку и прячет телефон в сумку.

Посмотрев исподлобья, ловит мой взгляд.

Да. Денек сегодня сюрпризами богат.

Глава 4

Романов

У шлагбаума крутятся две машины такси. Жду, пока разъедутся, и паркуюсь у больничной ограды под фонарем.

В этом травмпункте я бывал частым гостем с шестнадцати до восемнадцати лет. Как раз в бурный расцвет своей молодости, когда по лицу и почкам можно было получить, не прикладывая никаких особых усилий. Потом была армия, а после нее аспирантура. Короче говоря, мозги постепенно встали на место. Стало ясно, чем мне суждено в жизни заниматься, правда, времени на это ушло прилично.

Моя подопечная возвращает на место шапку и варежки, посматривая в окно и расправляя на коленях юбку.

От нее прям-таки несет правильность, как от ребенка, который уселся на стул, чтобы сделать фотку для семейного альбома.

– Ладно, – выхожу из машины и натягиваю на голову капюшон термобелья.

Под ногами скользко.

Открыв пассажирскую дверь, заглядываю внутрь и спрашиваю:

– Сама дойдешь?

Голубые глаза моргают, глядя мне в лицо. Спустившись, смотрят на мои ноги в термоштанах. Пухлый рот приоткрывается, и кончик розового языка очерчивает контур.

Пф-ф-ф-ф...

– Нет, – выпячивает губы и пожимает плечом.

А, ясно.

Звучит, как полная брехня.

Протягиваю к даме руки и подхватываю подмышками, чтобы поставить на землю.

Топчется на месте на своих обтянутых сапогами ногах. Внезапно посещает вопрос, куда она в таком виде направлялась? Ну, или откуда.

Придерживаю, осматриваясь.

Тут все капитально изменилось, да и снегопад стал метелью. Не видно ни хрена.

Посмотрев вниз, наблюдаю запрокинутое лицо, которое выглядит мечтательным.

– Классно, да? – разводит в стороны руки, ловя варежками снег.

– Дед Мороз не придет, – забираю у нее сумку и вешаю на свое плечо.

– Вообще-то, он существует, – сообщает миролюбиво. – Хотите, дам телефончик?

– Я предпочитаю Снегурочек, – смотрю на нее, опустив подбородок.

– Как... кхм... банально... – цокает языком.

– Зато честно, – усмехаюсь я.

Вдохнув, смотрю на заметенный тротуар, а потом опять на девчонку.

Улыбаясь, отводит глаза и стряхивает с куртки снег.

На покрасневшемся лице ноль косметики. Ну, или я ее не вижу. Единственное, что бросается в глаза – неправдоподобно длинные ресницы в уголках глаз. Настолько длинные, чтобы было ясно – они не совсем настоящие и какие-то мультяшные. Выглядит... мило. И наивно.

Лет десять назад я бы эту Любу сожрал вместе с этими сапогами. Наверное, даже пяти минут не думал бы, ну а сейчас все в жизни подчиняется логике. Даже женитьба на Яне, несмотря на всю свою тупость, имела очень прочные основания – связи. Единственное, что я недооценил – полнейший разброд и легкость мыслей в голове своей бывшей жены.

На моем лице снова задерживается затаенный взгляд, но очень быстро убегает, когда перехватываю его своим. Это бегство в очередной раз напоминает о том, с кем имею дело.

Тряхнув головой, киваю себе за спину:

– Такие дела, Люба, дорога скользкая, так что, извини.

– А-а-а? – делает губы маленькой буквой «О».

Захлопнув дверь, приседаю и забрасываю ее себе на плечо.

– Ай! – с писком вытягивает ноги вдоль моего корпуса.

Ладонями удерживаю под коленями. Ее сумка скатывается на локоть.

Девчонка копошится, устраиваясь удобнее и что-то бормоча за моей спиной.

Чтобы не свалиться, смотрю под ноги.

Проходящий мимо мужик спрашивает: «Где хирургический корпус?». Отвечаю, что не имею понятия. У травматологии наряженная гирляндами елка. Войдя внутрь, оглядываюсь и опускаю свою ношу на подоконник. Окно украшено бумажными оленями, прямо как в старые добрые времена.

– Молодые люди, – слышу тут же. – Вы не у себя дома!

Обернувшись, вижу женщину в халате.

– Я постою, – скатывается Люба с подоконника.

– Места для посетителей, где у вас? – возвращаю ее на место. – Вы травматология или что?

– А это не ко мне вопрос, молодой человек, – лает она. – Дома на окнах сидеть будете.

– Я постою...

– Сиди, – заталкиваю Любу поглубже и кладу на колени сумку. – Я щас вернусь.

– Она меня сожрет, – понижает голос, выглядывая из-за моего плеча. Подняв на меня глаза, добавляет. – С потрохами.

Секунду торможу, рассматривая веснушки на бледном маленьком носу. От притока крови губы у нее раскраснелись.

Втягиваю носом воздух.

Если бы можно было попользоваться ее ртом без каких-либо последствий, я бы так и сделал. Ситуация усугубляется тем, что сама она смотрит на мой.

Проведя по лицу рукой, смотрю на коридор и предлагаю:

– Скажи, что у тебя нога сломана.

– Ну, да... – бормочет, отвернувшись. – В трех местах...

– Как вариант, – бормочу, отталкиваясь от окна.

Стянув с головы капюшон, сворачиваю в коридор.

Глава 5

Романов

Стоя на стремянке, мужик в рабочем комбинезоне вкручивает новую энергосберегающую лампочку в патрон. Старая лампочка перегорела, видимо, офигев оттого, что кофейный автомат все же выдал мне сдачу, ну или оттого, что у кого-то нашлись в кармане живые деньги для покупки этого говна.

Сделав глоток из картонного стакана, морщусь и смотрю на приоткрытую дверь с табличкой «Смотровая 1». Табличка обмотана мишурой, на дверь канцелярской кнопкой ввинчен еловый венок.

– ФИО? – приглушенный голос парня-терапевта.

– Стрельцова Любовь Константиновна.

Стрельцова, значит.

Развернувшись, шаркаю по полу кроссами, отпихивая носком чьи-то использованные бахилы.

– Полных лет?

Остановившись, смотрю на дверь.

– Девятнадцать...

Запрокинув голову, тихо смеюсь в потолок и давлю пальцами на веки.

Мрак.

Качая головой, вытряхиваю оттуда все дерьмо, которое крутилось в ней последние пятнадцать минут. О том, что я отбитый на всю голову, но раз уж у меня судьба такая, почему бы нам с маленькой Любой не поесть мороженого?

Думаю, на пару часов нас бы с ней обоих хватило. У меня интереса, у нее воображения и энтузиазма.

Просто, чтобы закрыть этот гештальт. Поцеловать ее распрекрасный пухлый рот, раз она сама этого хочет, и распрощаться без слез и сантиментов, а потом набрать Марго и заняться уже взрослыми делами.

Для девчонки – приятный опыт, о котором можно рассказать подругам, для меня – ненавязчивая прогулка по розовым единорогам.

– Давайте посмотрим, что у нас тут...

За дверью возня.

– Какие ощущения?

– Больно...

– А так?

– Ай...

– Уколов боитесь?

– Фу... – слышу смешок.

– Шучу.

Бросив стаканчик в мусорное ведро, стягиваю с волос на макушке резинку. Ерошу их пальцами и зачесываю назад.

Спустя десять минут дверь открывается.

В свете новой информации вижу то, чего не заметил раньше – она еще даже не округлилась где надо. Серый короткий свитер открывает тонкую шею и худое плечо с выпирающей ключицей, под свитером грудь такого размера, который, кажется, уходит в минус, ноги в серых ботфортах хоть и стройные, но такие же худые, как и все остальное. И бедра под детской юбкой, думаю, тоже не несут сюрпризов.

Прогулка отменяется.

Какие, млин, пару часов? Окстись, Романов.

Даже, не смотря на цвет волос, она тот случай, на который я бы не обратил внимания, даже если бы нос к носу застрял в лифте. Просто вообще не моя песня. Моя бывшая жена, как ни крути, лет с семнадцати впахивает в спортзале, и на ее теле повсюду есть за что подержаться. Молоденькие наивные студентки вообще не мое, даже для легкомысленных, мать их, поцелуев.

Язык у нее подвешен, это бесспорно, тем не менее, нам пора сворачивать знакомство и разбегаться по домам.

– П-ф-ф-ф... – выдыхаю, положив на пояс руки.

Под моим взглядом лицо-сердечко становится подозрительным. Намек на улыбку испаряется.

Спрашиваю, глядя на нее нейтрально:

– Как дела?

Поджав губы, она на четвертой скорости мечется глазами по моему лицу. Между светло-рыжих бровей прорезается складка. Крылья маленького носа вздрагивают.

Судя по всему, мое прозрение слишком очевидно.

Опустив лицо, роняет на пол сумку и достает из рукава куртки шапку, говоря:

– Жить буду.

– Серьезные повреждения есть?

Повернувшись ко мне боком, суетливо натягивает на плечи куртку.

– Нет, – поднимает с пола сумку. – В рубашке родилась.

Это точно.

Тонкие каблукы ее сапог стучат по кафельному полу, когда идет по коридору, не оглядываясь.

Левая нога у нее еле заметно прихрамывает.

Почесав бровь, медленно пускаюсь следом.

Подойдя к окну, сваливает на него свои вещи и объявляет, стоя ко мне спиной:

– Я дальше сама. Спасибо. За все.

– Не за что, – засунув руки в карманы беговых шорт, останавливаюсь позади.

Думаю, все правовые вопросы касательно собачника возьмет на себя Чернышов, и если будет нужно, с ней свяжутся.

– Я могу отвезти тебя домой, без проблем, – откашливаюсь.

– Эм... спасибо, не нужно.

– Уверена? – спрашиваю, испытывая дискомфорт оттого, что оставляю ее здесь одну.

Ну, или оттого, что мы вряд ли увидимся снова.

– Да.

Осмотрев коридор, все же решаю уточнить:

– Кто тебя заберет? Родители?

Подняв руку, она чертит пальцем на стекле кружок, тихо говоря:

– Угу.

Звучит неправдоподобно.

Черт.

Это не мое дело. Ее кто-то заберет, не сомневаюсь.

Толай отсюда, Романов.

– Тогда счастливо.

– И вам.

Сдав назад, выхожу из травмпункта, не оглядываясь.

Снег завалил крыльцо и дорожки. Постояв минуту, сбегая по ступенькам и направляюсь к машине по старой аллее, а когда оборачиваюсь, в окне уже никого нет.

Глава 6

Люба

– Ты, капец, наказана. Капец тебе. Шапку сними, а то я вижу, ты меня хреново слышишь!

– Нормально... – прислонившись лбом к стеклу, шепчу я.

– Нормально, твою мать?! Одиннадцать ночи, я тебя забираю из травматологии. Какого фига ты вообще в этом парке одна шарахалась?! Блин... – недобро смеется мой старший брат. – Из дома не выйдешь. После, твою мать, десяти! Теперь никогда. Усекла?!

Молчу, поджимая губу.

– Усекла, спрашиваю?!

– Да... – всхлипываю, обнимая себя руками.

Когда он орет, лучше не спорить. С ним вообще спорить бесполезно. Это профессиональное. Он оперуполномоченный, и полномочий у него выше крыши.

Я знаю, что накосячила.

По щеке стекает слеза.

– Нет, нифига ты не усекла, – опять психует Глеб, зажимая пищалку на руле. – Твою мать, знак не видишь, что ли?! – орет впереди стоящей машине.

Стираю слезу ладонью, провожая глазами главную елку города.

Вломившись во двор моего дома, он тормозит прямо поперек парковки.

Терпеливо жду, потому что знаю, это не конец.

Слышу его злой сап, и мои всхлипы добавляют угля.

– Ты наказана, – рычит угрожающе.

Тоскливо гляжу на свой подъезд.

– Я щас вообще не шучу, Люба.

Всхлипнув, смотрю на него.

На подстриженной почти под ноль голове черная шапка, лицо небритое, как у какого-то зэка. Краше только придумать можно. Только людей им и пугать. Он этим и занимается, причем официально.

Сжав ладонями руль своей служебной «Нивы», продолжает:

– После учебы сразу домой. Приеду – проверю. Поняла?

Молчу, прикусывая язык.

– Не слышу?!

– Поняла!

– На выход, – гаркает хрипло.

Откинув на сиденье голову, Глеб закрывает глаза.

Кусаю губу и говорю:

– Собаки на людей не нападают по расписанию.

– А мне пофигу, – втягивает в себя воздух. – Мне тебя может продуть еще надо?

– Только попробуй! – взвиваюсь, толкая руками дверь. – Обезьянник свой продувай!

– Ты меня услышала.

– Мне не десять лет, – говорю ему членораздельно, обернувшись через плечо. – И даже не одиннадцать.

Эти слова сжимают сердце.

Когда мне было десять, ему было столько же, сколько мне сейчас, и он был далеко. Служил на своей Камчатке, там, где в туалет ходят по веревочке, а письма... идут месяцами...

Я думала, он вернется. Ко мне. К нам с бабулей. А он... Вернулся, когда мне было пятнадцать. И принялся командовать, будто я без него до этого в жизни разобраться не могла. Я о ней все знаю. Сначала родился, потом пригодился. А в промежутках хотелось бы быть самой собой!

Повернув голову, выгибает бровь:

– А сколько тебе? Напомни, е-мое?

Этот сарказм давно не бесит.

Судя по всему, для него я навсегда останусь ребенком. Даже когда морщины на его упрямом лбу станут глубже, и борода поседеет. Я останусь ребенком, потому что у нас есть только «мы», и больше никого на всем этом чертовом свете.

Плюс ко всему, для него я ребенок, потому что у него нет собственных. Вот в чем все дело.

Он достоин! Достоин своих детей. И семьи. Но с таким дураком кто будет связываться?! И кобелем. Думает, я не знаю? Он пол моего универа пере... имел!

– Посчитай, – советую ему. – Вроде ты умный. Был. Вчера.

– Сгинь, – рычит. – Пока в обезьянник не затолкал.

– Спасибо, – бросаю в сердцах. – За сочувствие. Чтоб тебе так дети твои сочувствовали...

– И тебе спасибо, – выговаривает он. – За то, что у меня на пузе еще один седой волос!

На пузе! На «пузе» у него белье стирать можно!

Ступив на подножку, выпрыгиваю из машины.

Мышцу на ноге сводит от боли, но не настолько, чтобы об этом плакать.

«В рубашке родилась», – мне так с пяти лет талдычат.

С того дня, когда выжила. Мы выжили. Я и Глеб.

Хлопнув дверью, иду к своему подъезду.

– Люба, – слышу за спиной.

Остановившись, закатываю глаза.

– Приеду. Проверю. Спать топай.

Сделав глубокий вдох, советую:

– Валидолхвати.

Дернув подъездную дверь, захожу внутрь и без сил тащусь к лифту.

На подкорке... яркие зеленые глаза мужчины, о котором... уже полгода мечтаю перед сном. И во время. И который... для меня слишком взрослый, чтобы я вообще хоть как-то могла его потянуть. Я даже не знаю, о чем с ним можно говорить. Дольше семи секунд.

Войдя в квартиру, плюхаюсь на пол.

Я и о себе-то ни черта не знаю. Кто я? Где я? Зачем?

– Чтобы было, – мертвым голосом цитирую своего придурошного брата.

Глава 7

Люба

– Ты куда в субботу делась-то? Касьянов рвал и метал.

– Голова заболела, – вру, увеличивая резкость на своем микроскопе.

Моя субботняя попытка расстаться с девственностью была очень неудачной. Сдаваться я не планирую, но... это будет не Касьянов. И... это будет не в квартире, где за стеной толпа народу бочками пьет пиво и гогочет так, что с потолка сыпется штукатурка.

Вспоминать все это не хочется.

Его руки у себя на груди и под юбкой. Его поцелуи.

Пипетка валится из рук, когда вспоминаю его тяжелое тело на моем.

Он сказал, что я... деревянная. И безынициативная.

Придурок.

Мы месяц встречались, как я могла этого не заметить?

Это все моя дурацкая потребность в ком-то. Я настоящая дремучая дура, но больше всего в жизни мечтаю влюбиться, и желательно взаимно. Эта придурь особенно прогрессирует с тех пор, как бабуля умерла, и теперь мы с Глебом круглые сироты. И хотя он сует свой нос в мою жизнь постоянно, это не изменит того, что однажды он... женится, детей заведет.

И тогда я останусь одна.

Я останусь одна до старости, потому что все мои парни сбегают от меня через месяц без объяснения причин. Их было три. Четыре, если учитывать Касьянова, но от него я сбежала сама, так что не считается.

– Пф-ф-ф... – выдыхаю обреченно.

В моих пробирках такой бардак, что хочется биться головой о стену.

– Дай глянуть, – склоняется над микроскопом Лена, одногруппница. – Н-да, подруга, – тянет она, отстраняясь. – У меня дела получше будут.

Срываю с ладоней лабораторные перчатки и бросаю их в корзину.

На этой неделе мне как будто вскрыли мозг, иначе я не могу объяснить его стойкое нежелание работать. В нем слишком тесно, потому что там уже два дня... все мысли только о том, что я, кажется, влюбилась, как и планировала, но только это... вообще не взаимно.

Человек, в которого я влюбилась, старше меня на восемь лет, он мой преподаватель, и он не помнит ни меня саму, ни моего имени, ни даже того, что уже две недели является моим дипломным руководителем! Нужно отдать должное тому, что мы с ним по этому поводу еще не встречались, но это ведь немудрено, его же целый месяц где-то носило.

Наверное, занимался своей женой – ослепительной блондинкой, которая болталась у него на шее на фоне мальдивского песка и шести кубиков его пресса, белозубой улыбки и его развеселых зеленых глаз. Судя по тому фото, медовый месяц удался.

Здесь мой мозг отрывается по полной. Лепит картинки, одна другой краше.

Вздыхнув, грустно улыбаюсь.

Разумеется, я не рассчитывала на то, что он женится на мне, но я надеялась, что с фантазией у него будет получше.

И судя по всему, я абсолютно точно не в его вкусе, зато он... Господи. Он в моем. У меня даже от голоса его мурашки. Он ужасно умный, и он защитил диссертацию, хотя ему даже тридцати еще нет. И то, как он посмотрел на меня там, в травматологии... это было так очевидно, хотя Романову Александру Андреевичу даже говорить ничего не пришлось.

Я не в его вкусе.

Прямо здесь и сейчас решаю его забыть.

Его голос, улыбку, широкие плечи и спокойный взгляд, дурацкий хвост на макушке, в который он собрал свои немного выющиеся волосы и чуть не лишил меня этим чувств. Потому что ему чертовски идет. Как и темная щетина на идеальном подбородке. И прежде всего я забуду его тренированное идеальное тело. Все его мышцы, которые отлично видно даже когда он в пиджаке и рубашке, не говоря уже о тренировочных термолосинах.

Он развелся. Кажется, с месяц назад, об этом уже весь факультет знает. Лично я планирую выйти замуж раз и навсегда. Кто угодно может считать это максимализмом, но я свою семью именно так и вижу. Один раз и... на всю жизнь.

Пихнув ногой корзину, задвигаю ее под стол и, крутанувшись на стуле, отупело смотрю в окно.

За ним темно и омерзительно холодно, я даже подумываю о том, чтобы не идти сегодня в бассейн. Плаваю я все равно, как курица, но Глеб откуда-то притащил абонемент в элитный спортзал, который отсеивает клиентуру ненормальными ценами на услуги, поэтому клиентура у них – мажоры, мажорки и прочий народ, который готов в два раза переплачивать, лишь бы на соседней беговой дорожке с тобой бежал не какой-то там слесарь, а генеральный директор фирмы, в которой этот слесарь работает.

– Закроешь сама? – идет Лена к своему столу, скрипя кедами по линолеуму.

В лаборатории универа нас осталось двое, потому что ни у нее, ни у меня, белки так и не приобрели те свойства, которые позволили бы нам обоим получить через две недели зачет.

– Угу... – отвечаю, продолжая бессмысленно пялиться в окно.

– Люба!

Подскакиваю на стуле, обернувшись.

– Я говорю «ушла», – закатывает Лена глаза.

– Пока, – вздыхаю, вытягивая перед собой ногу и поправляя черные толстые колготки.

Возвращаться сейчас домой нет никакого желания, поэтому достаю из-под стола свою спортивную сумку и тащусь к вешалке, распуская по дороге волосы.

Глава 8

Люба

– Из-вини-те... – вваливается в автобус пожилой мужчина с елкой и маленьким мальчиком в зеленом комбинезоне.

Жмусь к поручню, закрываясь рукой от колючих веток, которые лезут прямо в лицо. Моя спортивная сумка съезжает с плеча.

– Алеша, – выдыхает мужчина. – Проходи, давай-давай...

Карапуз карабкается на верхнюю ступеньку и, плюнув на елку, хватаю его за капюшон до того, как он, не дай Бог, оттуда упадет!

Иголки царапают щеку.

Жмурюсь, пища:

– О-о-й...

– Да что ж такое! – восклицает мужчина.

– Да помогите ему, молодежь! – женский голос за спиной. – Чего смотрите!

Через секунду мне становится легче дышать, и я, кажется, сохранила свои глаза целыми и невредимыми. Два промоутера-снеговика в белых ватных костюмах пристраивают елку у противоположной стены, и двери с шипением закрываются.

Отряхиваю грудь и поправляю шапку, глядя вниз на маленького Алешу. Он хлопает глазами, осматривая мою белую лохматую шубу из искусственного меха, и спрашивает:

– Снегуочка?

– Угу... – рассматриваю его румяные детские щеки.

Я мечтаю о своем Алеше. В последнее время это стало какой-то навязчивой идеей. Так хочется прижать к себе что-то вот такое же – маленькое и родное. Но эти мысли постоянно омрачает другая – я и о себе-то толком позаботиться не могу. Я никогда не признаюсь, но если бы не Глеб, я бы, наверное, пропала. У меня нет «зубов». Так мой брат говорит. Почему-то он предпочитает вытаскивать наружу только мои отрицательные качества, вроде «ты наивная, капец» или «просто научись прогибать людей. Пока не попробуешь один раз, не

поймешь, как это работает».

Я не знаю, откуда у людей берутся те самые «зубы». В детстве мне никто не посчитал нужным о них рассказать, а без них, судя по всему, в этой жизни далеко не уедешь, и если бы я хоть одному своему знакомому рассказала о своих «материнских» фантазиях, они бы покрутили пальцем у виска. Причем не у своего, а прямо у моего.

Просто в моей голове фантики и бантики. Так мой брат считает, и здесь я с ним согласна.

– Спасибо... – отодвигает мужчина норковую шапку и промакивает лоб квадратиком носового платка. – Поблагодари девушку, – обращается он к мальчику.

– Спасибо, – звонко объявляет тот.

Дотянувшись до кнопки, щелкаю по ней пальцами, требуя себе остановку. Сойдя с автобуса, чертыхаюсь, забрасывая на плечо сумку и пытаюсь отрыть в кармане шубы телефон.

– Да? – отвечаю, стянув с руки розовую варежку.

– Я не понял, – с претензией заявляет Глеб. – Почему подробности твоих субботних походов я узнаю из телека?

– Это была не я, – закатываю глаза.

В том ролике обо мне информации кот наплакал, но я все равно понятия не имею, где они ее нашли. Видимо, в наше время найти человека – это никакая не проблема.

– Ну-ну, – тянет он. – «Девятнадцатилетняя студентка Любовь Стрельцова», – цитирует сухо. – Собирался заняться твоим собачником, а там уже оказывается и дело заведено. Твой друг мэр подсуетился.

– Дело? – останавливаюсь посреди тротуара, игнорируя последнее замечание.

– Да, Люба, – вздыхает он. – Об уголовном правонарушении, повлекшем причинение вреда здоровью.

– И что ему будет? – тараторю я. – Я же здорова!

– Здорова?

Он снова цитирует, только на этот раз медицинское заключение, которое понятия не имею, как к нему вообще попало:

– «Повреждения длинной малоберцовой мышцы без повреждения сухожилий...»

– Вдруг он не виноват? – перебиваю я.

– А это уже суд решит.

Вздыхнув, иду по тротуару, разгоняя рукой снежинки перед носом.

– Я не хочу, чтобы из-за меня кого-то посадили на десять лет.

– Ну, ты загнула. На десять лет я бы его сам посадил, если бы ты, блин, Новый год в больничке встречала! Покалеченная! А так он штрафом отделается, и таким, каким можно потереться.

– Давай забудем, а? – прошу его жалобно.

Меня и так кошмары мучают. Я в жизни такого страха не испытывала. Я вообще думала... что умру в том чертовом парке. Даже свет боюсь на ночь выключать. Это какие-то... приступы паники, от которых не знаю, как избавиться. Для этого о них нужно кому-то рассказать, а я не знаю кому.

– А сейчас ты где? – вкрадчиво требует он. – Я сказал после учебы домой, или ты решила на новый заход сгонять?

– Что мне теперь из дома не выйти?

– Вот не знаю, – издевается он. – Есть у меня одно решение нашей проблемы.

– Какое? – спрашиваю с подозрением.

– Кхм... – откашливается, и мое подозрение усиливается. – Потом поговорим. Мне работу работать надо. Через два часа могу тебя забрать, если нет, возьми такси.

Кладет трубку, заставляя меня напрягать лоб, а это провоцирует морщины.

Когда мой брат что-то «придумывает», это часто бывает каким-то дерьмом, которое мне не понравится. В лето перед первым курсом универа он отправил меня в один труханутый лагерь для девочек на полтора месяца, чтобы я не болталась дома одна и без дела. Я не имею понятия, где он откопал тот лагерь, но я потребовала забрать себя оттуда через две недели, и он забрал. Если бы не забрал, я бы вернулась домой пешком!

– Ф-ф-ф... – дую на руку, которая успела окоченеть за время нашего разговора.

Натянув варежку, перехожу дорогу.

Ее мне уступает черный джип «Ауди». Махнув ему рукой, быстро двигаюсь по зебре, крутя головой по сторонам, как учил меня мой дотошный брат.

Пройдя через маленький подсвеченный сквер, выхожу на застроенную бизнес-центрами улицу.

Здание спортивного клуба застеклено от пола до потолка. На втором этаже тренажеры и люди, на первом все усажено елками в гирляндах на миллион лампочек.

Мимо на стоянку заезжает тот самый внедорожник, который минуту назад уступил мне дорогу. Пропускаю его и захожу в стеклянную дверь, осматриваясь.

На дверном венке звякают колокольчики.

Элитного здесь полно. Диваны, ресепшен и фонтан в центре. Девушка за стойкой выглядит бывшей моделью, еще бы, за такие деньги. На бейдже

написано «Таисия». Боже, серьезно?

Подойдя к стойке, кладу на нее свой абонемент, говоря:

– Добрый вечер.

– Добрый, – улыбается она. – Уже были у нас?

– Эм-м-м... нет, – опускаю на пол свою спортивную сумку.

Снова звенят колокольчики.

– Добрый вечер, – Таисия улыбается новому посетителю, пока я снимаю варежки и укладываю их на стойку.

– Добрый.

Сердце ударяется о ребра.

Резко поворачиваю голову и смотрю в зеленые внимательные глаза напротив.

Положив на стойку локти, Романов смотрит на меня сверху вниз.

Осматривает мое лицо, мою розовую шапку, шубу и лежащие на стойке варежки.

Почесав пальцем бровь, усмехается сам себе и бормочет:

– Блин, думал, показалось...

Глава 9

Люба

На нем черное пальто, из-под которого торчит воротничок кипельно-белой рубашки. И я знаю, что там под пальто на нем джинсы, потому что брюки он носит только по каким-то особым дням в году, которые выбирает черт знает каким образом. Но и те и другие сидят на нем потрясно...

Пытаюсь справиться с собой и отвести глаза, но они упорно цепляются за точеные черты.

На его щеках густая щетина. Кажется, гладковыбритым я его вообще никогда не видела. Щетина покрывает его щеки, заостренный подбородок, окружает его губы... его губы... полные. Волосы убраны назад тонким металлическим ободком. Полностью открывая лоб и вертикальные морщинки на нем.

Мне безумно нравится его лицо, но чтобы он там не думал, это случилось не с первого взгляда, а возможно... со второго или третьего. Это случилось, когда я увидела, как он умеет улыбаться. Просто я половину лекции пялилась на его задницу, а уж потом добралась до лица.

Это было полгода назад. Тогда-то у меня и поехала крыша. Я думала, это пройдет, но все никак. Мне пришлось повозиться, чтобы пробиться в его дипломники. Понятия не имею, зачем я вообще это устроила. Что я собиралась делать? Прийти в его кабинет и закинуть ногу на ногу, как Шерон Стоун?

Очень смешно.

Он задумчиво смотрит на меня в ответ, и мы, кажется, минуту смотрим друг на друга, не отрываясь, пока мой нос поглощает чертовски дразнящий запах его парфюма.

Его губы дергаются в кривой улыбке, и с моих мозгов слетает розовая пыль.

– Ты что... – говорит, сделав шумный выдох. – С деревьями обнималась?

– Эм-м-м... – пытаюсь отвести глаза от его губ. – Чего?

Опустив глаза, смотрю на его шею и выступающий кадык.

В животе странный трепет, от которого краснею.

Проведя по лицу рукой, он кивает на мою шубу.

Посмотрев вниз, вижу елочные иголки, застрявшие в лохматом ворсе.

– Эм-м-м... – начинаю выбирать их оттуда. – Да... и с камнями разговаривала.

– Надо же, – тихо отзывается он. – И что они говорят? Когда наступит глобальное потепление?

– Не на этой неделе, – успокаиваю, продолжая доставать иголки.

– Ну, слава богу.

Замираю, потому что его рука вдруг оказывается перед моим носом и начинает помогать. Длинные пальцы проворно дергают иголки, а я смотрю на мелькающее перед глазами запястье, которое украшают дорожные часы с пластинчатым ободком.

– Как нога?

Поднимаю на него глаза.

Опустив руку, смотрит на меня исподлобья и чешет колючий подбородок.

– Ну... – смотрю на свои ноги. – Как видите.

– Тебе не рано-то в спортзал?

– Я собираюсь поплавать, – пожимаю плечом.

– А, – тянет он. – Ну, супер. Вариант сто из ста, чтобы поврежденную мышцу свело.

– Выкарабкаюсь, – пытаюсь звучать непринужденно.

– Не стоит, – говорит медленно, постукивая пальцами по стойке. – Это больно и неприятно.

– Больно и неприятно рожать, – просвещаю его миролюбиво. – Все остальное – цветочки.

– Я бы поспорил.

Сглотнув, смотрю в его глаза.

На его лице спокойствие и вежливая улыбка, а у меня к горлу подскочило сердце.

От волнения сжимаю кулаки и, откашлявшись, с очень неубедительным вызовом бросаю:

– Звучит... заманчиво...

Кажется, воздух остановился, и все звуки смолкли, пока жду его ответа.

Боясь смотреть куда-то еще, смотрю на верхнюю пуговицу его рубашки. Щеки пылают. И уши тоже...

Он молчит целую вечность. Молчит и тихо дышит надо мной. Мои глаза скатываются вниз по его груди. Между расстегнутых пол его пальто считаю белые пуговицы рубашки, пока не добираюсь до ремня брюк и ширинки...

Резко отвернувшись, смотрю в окно во всю стену, за которым мигают гирлянды.

– Если выживешь, жду тебя на улице через час.

До боли закусив губу, пропускаю через себя волну паники.

Продолжая смотреть в окно, краем глаза вижу, как он подхватывает с пола собственную сумку.

– Можно мне тридцать шестой, если несложно? – обращается он к администратору, пока я пытаюсь реанимировать все свои системы.

– Конечно, – отзывается та, и о стойку звякают ключи от тридцать шестого шкафчика.

Нахожу в себе силы повернуть голову, только когда его шаги стихают.

Администратор смотрит на меня с нескрываемым скепсисом, от которого щеки загораются еще ярче. Выхватив из ее руки свой номерок, уношусь в противоположную сторону, туда, куда велит указатель «Женская раздевалка».

Глава 10

Люба

Что я творю?!

Снова и снова провожу расческой по волосам и смотрю в свое отражение, не забывая опять и опять смотреть на круглые настенные часы.

Сердце скачет галопом и руки потряхивает.

У меня еще целых тридцать минут. Целых полчаса на то, чтобы одуматься!

Я уже все решила, иначе не выскочила бы из бассейна, как ошпаренная.

Трусливая!

– Можно?

Вздрогнув, уступаю место у зеркала высокой пухлогубой брюнетке в черно-белом костюме для фитнеса.

Она неторопливо красит губы прозрачным блеском, а я понимаю, что уже видела ее раньше, только тогда на ней были соболя, стоимостью с мою квартиру. А еще она развешана по всему городу на рекламных баннерах городского ТВ канала. С микрофоном и такой себе суперпозитивной улыбкой, именно поэтому я узнала ее не сразу. Потому что та улыбка у нее явно фотошопленная, в жизни эта женщина выглядит настоящей хладнокровной сукой. Кажется, именно это мужчинам в женщинах и нравится. Судя по тому, как мой дипломный руководитель пожирал ее глазами в том парке два дня назад.

Это отрезвляет еще больше.

Они ходят в один спортзал. В привилегированный.

Они... любовники?

Ну, разумеется, не чай же они вместе пьют.

Подлетев к своему шкафчику, бросаю взгляд на обтянутую черно-белыми лосинами задницу. Задница у нее такая, будто она в этом спортзале родилась. Шикарная у нее задница. И здесь полно таких. Даже если я год не буду слезать с велосипеда, мне такой все равно не видать.

Швырнув расческу в сумку, быстро натягиваю колготки.

О чем я думала?

Что я вообще делаю?

Завернув в пакет мокрый купальник, надеваю водолазку, торопясь так, что все из рук валится.

Он мой дипломный руководитель!

И он скоро об этом узнает. И что тогда?

Всех моих талантов не хватит на то, чтобы сделать вид, как будто это для меня новость.

Он не водит шашни со студентками. Ни с какими и никогда.

Мы не встречались раньше, потому что я для него одна из двухсот голов, он никогда не вел мои практики. Он ведет их только в магистратуре, а я... скорее всего, в нее вообще не пойду. Он никогда не делает перекличек. Никогда не проверяет отсутствующих, но его лекции особенные. Он умеет объяснять на пальцах то, что другие не могут растолковать за два лекционных часа. Просто он преподаватель от бога!

Запрыгнув в свой клетчатый сарафан, быстро застегиваю пуговицы.

Мне нужно бежать отсюда, и подальше.

Я ведь никогда всерьез не думала «о нас». Это ведь все просто... глупые фантазии. Даже в своих фантазиях я никогда не заходила дальше пары поцелуев, потому что слабо представляю, что там должно быть дальше. Опыт с Касьяновым показывает, что дальше следует неловкость и «деревянность».

Прижимаюсь дымящейся головой к шкафчику, закрывая глаза.

Трусиха...

Вот я кто.

Но он... так мне нравится, что я боюсь наделать каких-нибудь глупостей. Например, выставить себя идиоткой или болтливой дурочкой, потому что понятия не имею, как себя с ним вести. Эта встреча станет нашей последней, не сомневаюсь.

Я вообще не думала, что мы опять встретимся где-то за пределами университета. И я точно знаю, что должна буду во всем сознаться, но все, на что способна – это трусливо сбежать.

Боже, что мне делать?

У нас все равно ничего не выйдет. Во что я вообще хотела ввязаться? Во флирт со взрослым мужчиной, который по совместительству мой преподаватель?

Протянув руку, снимаю с вешалки свою шубу и, застегнув сумку, ухожу из раздевалки.

От страха, что мы можем случайно пересечься, опять колотит сердце, но в фойе никого.

От облегчения ускоряю шаг.

– Спасибо... – забираю у администратора свои варежки, изо всех сил делая вид, будто ничего особенного не происходит.

Только зайдя в автобус, понимаю, каким идиотским ему покажется мой поступок. Он примет меня за капризную дуру или решит, что я утонула. А может... он и пяти минут ждать меня не станет. И это, вероятнее всего. А если станет?

От этой мысли все внутри переворачивается. Она терзает всю дорогу до дома. Вдруг он ждет?

Глядя в пространство, пытаюсь успокоиться и сосредоточиться на чем-нибудь другом. На людях вокруг, на украшенных фасадах за окном, на том, что у меня отмерзли колени, потому что на улице стало холоднее раз в десять. И когда я несусь к своему дому, ощущение такое, будто моя челюсть перестала работать от онемения.

Войдя в квартиру, включаю свет и ставлю угли на полку. Бросаю сумку на пирамиду из больших картонных коробок и убираю шубу в шкаф.

Я живу здесь неделю, и еще не очень привыкла.

Мы разменяли бабулину квартиру на две, и мой брат отдал мне гораздо больше половины, хотя мы никогда об этом не говорили. Еще он отдал мне всю мебель. В его квартире даже дивана нет, только надувной матрас.

Усевшись на подоконник, смотрю на город с высоты одиннадцатого этажа, чувствуя предательское одиночество. Все из-за нового места, я знаю, что это пройдет. Набрав брата, подтягиваю к груди колени.

– Внимательно, – басит он в трубку.

– Что мужчине нравится в женщине? – спрашиваю, пристроив подбородок на коленях.

Он молчит, а я кусаю губу.

– Кхм... чего? – уточняет, после гнетущей паузы.

– Что привлекает мужчину? – повторяю я. – В... эм-м-м... женщине...

Слышу, как скрипнул его стул. И как хлопнула дверь. Его шаги эхом отстреливают в трубку.

– Кхм... какого мужчину?

– Любого, – поясняю я, жмурясь.

Его вдох такой шумный, что я начинаю царапать пальцами свою коленку.

– Э-э-э... кхм... ну, прежде всего отсутствие зае... кхм... закидонов.

– Например?

– Например... – даже не видя, я знаю, что он почесывает свою ужасную бородищу. – Когда не берешь трубку, а тебе за это выносят мозг.

– Ты не берешь ее специально?

– По-разному.

– Мне бы тоже это не понравилось, – сообщаю убежденно.

Вообще-то, это звучит, как скотство.

– Выносить мозг не обязательно.

– Тогда как ты поймешь, что это не нравится?

– Я пойму, поверь.

– А что еще?

– Что еще... привлекает?

– Угу...

– Пф-ф-ф... ты не пробовала гуглить?

– Нет, так что?

– Пум-пу-пум...

– Только честно, – подталкиваю я. – Почему эта, а не другая?

– Ну, может потому что она двигается не так. Или у нее волосы не расчесаны, – продолжает он. – Блин, – снова вздыхает. – Есть такое понятие, как «предпочтения». Все это вместе.

– Хм-м-м...

– Как-то так.

– И как понять, что ты... эм-м-м... привлекаешь?

– Люба, – тянет он. – Есть один безотказный способ это понять, но мы с тобой про него разговаривать не будем, это я сразу говорю.

Мои щеки загораются, и я закусываю костяшку своего пальца.

– Если женщина привлекает мужчину, он захочет увидеть ее опять, – говорит быстро и с расстановкой. – Если этого не происходит, значит, не судьба. Так понятно?

– Да, – бормочу я.

Понятнее некуда.

– Вот и... кхм... славненько. Так что, я пошел?

– Угу.

Кладу трубку и снова смотрю на город.

И теперь меня терзает совсем другая мысль.

Уйдет ли мой преподаватель из этого чертового спортзала один или... в компании своей подружки. А еще я думаю о том, что бы было, если бы я не была такой трусливой.

Глава 11

Романов

Самые странные поступки в своей жизни, не считая женитьбы на Яне, я совершал в возрасте от нуля до двадцати трех. Прежде всего, потому что приблизительно к двадцати трем мир поворачивается к человеку жопой и предъявляет вызовы, которые до этого брали на себя его родители. Проще говоря, приходится активно взрослеть и оправдать ожидания всех подряд, и это, помимо того, что многие социальные связи рушатся как раз в это самое время, оставляя в жизни только самых проверенных людей.

Дуя на руки, прихожу к выводу, что творение фигни все-таки не имеет возрастных ограничений. На часах пятнадцать минут девятого, а я какого-то черта топчусь перед дверьми тренажерки с перспективой отморозить задницу и жду.

Твою мать.

Она что, меня продинамила?

Запрокинув голову, тихо смеюсь и вдыхаю поглубже, чтобы прочистить мозг.

Небо черное, но и звезд хватает.

Посмотрев на фойе спортивного комплекса через стеклянные двери, не вижу там никакого движения.

Никаких белых шуб, розовых прибалбасов, пушистых кроликов и котят в корзине. Ну, или что там у нее в загашниках, я не знаю.

Трудно сказать, нафиг я вообще все это затеял, но она там чуть в обморок не свалилась, пока ждала ответа на свой неубедительный подкат. Может, я случайно глотнул чего-то психотропного, но я... вроде как залип, когда увидел маленькую Любу. Хорошенькую, белую, пушистую и такую же наивную, как и два дня назад.

После тренировки мне нужно закинуться углеводами, и раз уж такие дела, мир бы не перевернулся, сделай мы это вместе. Засовывать ей язык в рот совсем необязательно. Можно просто сводить погулять и накормить, большего она все равно не потянет. Не знаю, что там за мужик был у нее на проводе, но не думаю, что она когда-нибудь мужика видела голым вживую.

– Блин... – снова смотрю на часы, а потом на дверь.

Больше чем на полчаса даже Яна никогда не опаздывала, а опаздывала она постоянно.

Что за тупой поступок? Может, случилось чего?

С определенной вероятностью мы вообще можем больше никогда не пересечься. Именно это сейчас меня и злит. Об этом она подумала?

Найти ее контакты для меня не проблема, но она-то об этом не знает. Да и зачем они мне. Если в ее компании меня увидит кто-нибудь из знакомых, решат, что у Романова крыша съехала, особенно на фоне последних событий. Но я какого-то хрена все еще здесь. Стою и жду.

Пора сворачиваться.

Детский сад, блин.

Подхватив с земли сумку, забрасываю на плечо и иду к машине.

От холода сводит зубы.

Достав из кармана звонящий телефон, снимаю трубку:

– Да?

– Не передумал? – интересуется Марго.

Открыв дверь, сажусь в прогретый салон и бросаю сумку на соседнее сиденье.

– Ты меня переоцениваешь, – откидываю на сиденье голову и тру глаза. – После сорокаминутной тренировки я мало чем буду тебе полезен.

Хотя от ее предложения еще в зале я отказался совсем по другой причине, но теперь, когда эта причина самоликвидировалась, желания заглянуть к Марго все равно нет.

Стареешь, Александр Андреевич.

– Романов, ты не джентльмен, – фыркает Маргарита. – Ну, пригласи меня тогда в ресторан. Поболтаем, поедим. Калинкин новый ресторан открыл, ты в курсе? Повар у них непростой. Говорят, меню необычное.

Втянув носом воздух, стучу пальцами по рулю.

По непонятным причинам предложение сегодня не прельщает.

Мне хочется дать себе в бубен, потому что пока она говорит все это, у меня перед глазами стоят чистейшие голубые глаза с мультяшными неправдоподобно длинными ресницами, бледная кожа и рыжие волосы, выглядывающие из-под розовой шапки.

– Сегодня никак, – дернув рычаг, трогаюсь с места. – А завтра с удовольствием.

Осознаю всю тупость ситуации, но тащиться сейчас в ресторан с ней нет никакого желания, как и переводить наши отношения на уровень чуть более сложный, чем есть сейчас.

Как бы то ни было, я никогда не рассматривал Марго в качестве спутницы своей жизни. Почему? Наверное, потому что не судьба.

– Ясно, – тянет она, и за этим коротким словом я не слышу никаких претензий.

В том и дело, что мы взрослые люди.

– Извини.

– Романов, – смеется она. – Я переживу, не волнуйся.

– Ага, – непонятно зачем притормаживаю, проезжая мимо дверей тренажерки. – Хорошего вечера.

– Пока, – кладет она трубку, и я бросаю свой телефон на сидение.

У дверей никого.

Зараза.

Выехав на шоссе, включаю радио и прибавляю газа. Дворники гоняют по лобовому снегу, термометр в машине показывает минус десять.

Город пустой, поэтому до дома добираюсь за двадцать минут. Пять километров от города, а по ощущениям другая планета. Воздух чище и земля дорожает каждый год.

Открыв с пульта ворота, заезжаю во двор и паркую машину перед въездом в гараж. Он забит коробками с вещами Яны, которые она, по всей видимости, решила оставить мне.

Войдя в дом, бросаю ключи и сумку на банкетку рядом с синим рюкзаком племянника. Елка в гостиной – идея сестры, правда, не наряженная. Этим я уж точно заниматься не собираюсь, они должны заскочить на неделе.

После их развода с Чернышовым, я как под пулями нахожусь.

Им в одном помещении лучше не встречаться. Они и сами это знают, поэтому уже год не пересекались.

После тридцатиминутной проморозки задницы и тренировки меня просто вырубает на ходу. Тренировки стали интенсивнее, поэтому мне нужно нормально высыпаться. Закинув в микроволновку контейнер с какой-то пастой, включаю ноутбук и пишу на почту секретарю кафедры, прося ее прислать мне завтра с утра список дипломников-бакалавров, которых мне распределили в этом году.

Глава 12

Люба

– Один карамельный латте, пожалуйста, – вываливаю на стойку кофейного ларька всю мелочь, которая есть в моем кармане. – И можно сразу добавить туда три сахара? И корицу?

Кисло посмотрев на горку моих монет, парень бариста сгребает их ладонью, не пересчитывая.

Игнорирую, потому что я проделываю такое часто. Я с детства коплю мелочь на все подряд, и с уверенностью могу сказать – мелочь многие недооценивают.

Если я и спала на ходу всю поездку в автобусе, то теперь нет.

Колотясь с ног до головы, грею дыханием руки, очень жалея о том, что сегодня не взяла до универа такси, но совесть не позволяет мне разъезжать по городу на такси чаще пары раз в неделю. Моя сиротская стипендия мне много чего позволяет, но я все равно вишу на шее у Глеба. Я должна получить диплом и пойти работать, чтобы слезть с нее... вот о чем я должна думать, а не о... Не о том, о ком я думала всю сегодняшнюю ночь.

Александр Андреевич, пожалуйста... проваливайте из моей головы...

Мое трусливое бегство не дает покоя, но дело ведь уже сделано!

С обидой глядя на медленного бариста, хочу попросить его двигать задницей, пока я не отморозила свою.

Прикусываю язык.

Холод жалит щеки и кончики пальцев даже через перчатки. Засунув руки в лисью муфту у себя на шее, приплясываю на месте. Мой пуховик почти до пяток, но это все равно не спасает.

– Спасибо, – вырываю из протянутой руки свой кофе.

– На здоровье, – хлопывает он перед моим лицом деревянные ставни.

– И вам хорошего дня! – отшатнувшись, кричу с претензией. – С наступающим!

Грея пальцы о стакан, семеню вдоль колонн центрального входа в здание университета.

Наш универ старейший в городе. И очень дорогой. Скопление мажоров на один квадратный метр здесь зашкаливает, особенно на экономических специальностях. Ну а на моей нет, потому что мажоры не мечтают до конца жизни ковыряться с колбами и пипетками.

Обогнув здание, по парковой дорожке добегаю до трехэтажного лабораторного корпуса. На парковке вижу знакомый черный «порше», и от его вида мне становится не по себе. Метнувшись в сторону глазами, вижу толпу парней с электронными сигаретами.

Задница...

Опустив глаза, забегаю на крыльцо, сжимая в руке стакан. С волнением слышу скрип снега за спиной. Не оборачиваясь, влетаю в дверь и проношусь через КПП, быстро сворачивая в коридор. В мой локоть впиваются жесткие пальцы.

– Не спеши, Стрельцова.

Сердце подскакивает, когда смотрю в полное издевательской усмешки лицо Никиты Касьянова.

– Отпусти... – прошу тихо, пытаюсь вырвать свой локоть.

Надвинув на глаза бейсболку, сильнее сжимает пальцы.

Я не знаю, что он здесь делает! Это не его корпус!

Он худой, но очень сильный. Лицо у него тоже худое, но... красивое. Когда мы познакомились, он мне понравился, потому что он был таким самоуверенным. Он богатый, и у него этот чертов «порше». И он всегда давал мне понять, что... будто сделал мне одолжение тем, что обратил внимание. Я такая дура, что мне было все равно, но даже, несмотря на это, я не смогла в него влюбиться, как не пыталась.

Кажется, он тоже это понял.

Его глаза холодно смотрят в мое лицо. Скривив губы, он осматривает меня с головы до ног и, протянув свободную руку, наматывает на ладонь мою косу. Трет ее пальцами, глядя на мои губы.

Дергаюсь, опять пытаюсь вырваться.

– Не рыпайся, – говорит, проводя глазами двух парней в белых халатах.

– Мне больно... – цежу, хотя в душу закрадывается какой-то непонятный страх.

От того, как он смотрит. С каким-то странным блеском в глазах.

– Больно только в первый раз, – усмехается, нависая надо мной.

– Отвали... – выхватываю из его руки свою косу и отбрасываю за спину.

– Ты такая правильная, Стрельцова, – произносит с издевкой. – Хороша девочка-сиротка, да?

– Нет, – толкаю его в грудь, но мой голос подрагивает. – Если сейчас не отпустишь, я тебе двину в морду.

Его губы разъезжаются в ехидной улыбке.

– Ну, попробуй.

Сглотнув, спрашиваю:

– Чего тебе надо?

– Ты в курсе, что фригидная?

По моим щекам ударяет краска, а в горле собирается ком.

Я не фригидная... я... нормальная... нормальная!

– Заткнись... – шепчу хрипло, глядя в его глаза. – Заткнись, понял?

Лениво усмехнувшись, продолжает:

– На твое счастье я добрый, поэтому в субботу повторим. Время напишу позже. Советую не выеживаться.

От тона его голоса сердце бухает в груди. Кажется, у меня пропал голос, потому что я ни слова не могу сказать, пока он надавливает большим пальцем на мою нижнюю губу, оттягивая ее вниз.

Опомнившись, врезаю по ней со всей силы и со всей силы толкаю в грудь. Из-под крышки кофейного стакана по руке и куртке течет. Отскочив в сторону, выпаливаю:

– Забудь. Я как-нибудь сама, понял? Отвали от меня.

Развернувшись на пятках, уношусь по коридору.

К глазам подкатывают дурацкие слезы. От оскорбления, которое теперь никак не вытравить из головы! И оттого, что я не знаю как быть, если он опять нарисует.

Ворвавшись в аудиторию, ставлю на стол стакан и трясую рукой. Запихнув в шкаф свой пуховик, бросаю хриплое «всем привет». В нашей рабочей подгруппе тринадцать человек. Галдя, они спуют за спиной, пока я пытаюсь сбросить с себя ощущение от его пальца на своих губах.

Дверь в смежную аудиторию открывается, и из нее вылезает голова какого-то незнакомого мне парня. Шаря глазами по группе, он кричит:

– «Ху из» Стрельцова?

– Я, – выдергиваю из сумки халат, кусая губы.

– В шестнадцать встреча дипломников с Романовым у него в кабинете.

Прижав к груди халат, смотрю на него и лепечу:

– А?

Сердце подскакивает к горлу.

Сегодня?!

– В. Шест-на-дцать... – начинает он повторять по слогам.

– Поняла! – провожу по горлу рукой, прося его не продолжать.

Рухнув на свой стул, опускаю на руки голову.

Ну вот и все!

Глава 13

Люба

Зажевывая мерзкий осадок от встречи с Касьяновым шоколадной конфетой, двигаюсь по стеклянному переходу между корпусами.

За стеклом уже садится солнце, и все вокруг стало розовым от этого заката.

Я никогда всерьез не задумывалась о том, почему с парнями у меня не очень клеится. Может, потому что я всех парней вокруг сравниваю со своим братом? А может, потому что во мне что-то не так?

Я... недостаточно... чувственная?

У меня никогда не съезжали набекрень мозги от парней и желания.

Но я вообще очень собранная!

Я не люблю, когда опаздывают. И когда обещают позвонить и не звонят. Или когда парень откровенно скучает, слушая подробности из моей жизни, в то время как подробности своей он может отгружать вагонами. Парню, с которым мы пару раз ходили в кино до Касьянова, я так и сказала. Спросила, почему его дела должны быть интересны мне, а мои для него – усыпляющее чтение перед сном. С тех пор я его больше не видела и даже не жалею.

Я не знаю, откуда берется потребность вываливать на них свою жизнь, когда могу спокойно вываливать ее на брата. Наверное, потому что мне нужен мой человек! Только мой. Которого я не буду делить ни с кем, и которому... всегда будет интересно знать, где я нахожусь и чем я, черт возьми, занимаюсь.

Проглотив сладкий шоколад вместе с возникшим в горле комом, сокрушенно достаю еще одну конфету и сворачиваю в коридор.

Я, наверное, последняя девятнадцатилетняя девственница в городе, но это не так унижительно, как быть последней двадцатилетней девственницей, а двадцать мне исполнится уже через три месяца.

Изучая кабинетные таблички, плетусь от одной двери к другой. Я знаю, что его кабинет где-то рядом с деканатом, а возле него вечно толпится народ. Обойдя кучку неизвестных мне лиц, двигаюсь вдоль стены, уже догадываясь, какая конкретно дверь мне нужна. Ее подпирают два лохматых парня, и, судя по всему, они близнецы.

Мои нервы натягиваются, как гитарные струны. Меня колбасит совсем не от страха, а от волнения. Хочу его увидеть. А он меня?

Касьянов вместе со всем своим дерьмом испаряется из головы.

Прочитав имя на табличке, сжимаю пальцами ручки своей сумки.

– Дипломница? – спрашивает один из одинаковых парней.

На обоих джинсы и клетчатые рубашки, а я зачем-то распустила волосы! Может, чтобы прятаться за ними, как несчастной трусихе, которой и являюсь.

– Угу, – останавливаюсь рядом, кивая на дверь. – У себя?

Сердце в груди начинает скакать.

– Ага, занято, – сообщает парень.

Прижавшись спиной к стене, рассматриваю свои меховые угги и вздрагиваю, когда дверь кабинета открывается.

Чертовы... черти!

Быстро глотаю конфету, поправляя волосы.

– Заходите, – объявляет появившаяся на пороге девушка.

На ней мини-юбка и ботинки на каблуках, и она румяная, как помидор, и это, помимо того, что она улыбается, как влюбленная дура.

Просто блеск, Александр Андреевич!

Близнецы заходят в кабинет, сосчитав до трех, захожу следом.

– К пяти не успею, – слышу знакомый глубокий голос и тихий хрипловатый смех. – Набери меня часов в семь, обсудим.

От волнения потеют ладони, и мир сжимается до маленького, заваленного бумагами и обвешанного сертификатами кабинета.

Господи, ну и бардак.

В неверии смотрю на гору макулатуры в углу, топчась за спинами в клетчатых рубашках.

– На связи... – голос хозяина этого бардака пробирается мне под кожу, оседая искрами где-то в животе, а когда вижу его самого, уже не могу отвести глаз.

Волнистые пряди на его умной голове находятся в идеальном небрежном беспорядке. Тонкий шерстяной свитер демонстрирует каждый изгиб мышц на широких плечах и груди. Мой дипломный руководитель настолько подтянутый, что на этом свитере ни единой складки.

Это катастрофа...

Не могу перестать смотреть. Серый цвет кошмарно ему идет!

Откинувшись в рабочем кресле, зажимает телефонную трубку между плечом и шеей, небрежно перелистывая страницы лежащей перед ним картонной папки, которая очень смахивает на личное дело студента.

Оторвав от нее глаза, Романов кладет трубку и смотрит прямо на меня.

В упор и без каких-нибудь видимых эмоций на своем красивом лице!

Осматривает с ног до головы. Мою обувь, джинсы, пушистый белый свитер. Вернувшись к лицу, смотрит в мои глаза, постукивая длинными пальцами по папке.

Закусив губу, смотрю на потолок, а потом на лысый фикус в большом пластиковом горшке, который подпирает стену рядом с еще одной кучей макулатуры.

– Парни, – объявляет Романов. – Уступим даме место. Я надолго не задержу.

Скосив глаза, смотрю на единственный свободный стул. Три других завалены коробками и документами, как и шкаф, который на первый взгляд открывать опасно для жизни.

– Ага, без проблем, – хихикают близнецы.

Посмотрев на Романова, ловлю его взгляд на своем лице.

Положив телефонную трубку, он коротко велит:

– Садись.

Выдохнув, опускаюсь на стул, продолжая исподтишка его рассматривать. Круглый ворот свитера окружает жилистую сильную шею, на которой отчетливо выделяется кадык и мышцы вокруг него.

Сглатываю.

Понятия не имею, что там у него в голове. В моей почти пусто!

– Вот список примерных тем для дипломов, – кивает на подоконник и громоздящийся там принтер. – Ознакомьтесь. Если есть свои предложения, можем обсудить индивидуально. Мои контакты там указаны. Не затягивайте с выбором темы, в феврале вы уже точно должны знать, с чем будете работать.

– Принято, – салютует парень, забирая с принтера распечатки и вручая одну из них мне.

– Вопросы есть?

– Не-а...

– Тогда свободны.

Вскакиваю со стула, но вместо облегчения чувствую кошмарное разочарование.

Ну и ладно!

Быстро запихиваю листок в сумку, обманутая во всех своих глупых ожиданиях, которые я даже толком сформулировать не могу.

– Стрельцова... – слышу угрожающий голос, подлетев к двери. – Сядь на место.

Глава 14

Люба

Впившись пальцами в дверную ручку, замираю. За дверью шум и звуки шагов, но их быстро перебивает стук моего сердца.

– У вас очень уютно, Александр Андреевич, – замечаю тихо, глядя перед собой.

– Сбегать – это твое кредо?

Это звучит как издевка, хотя его голос нейтральный, насколько это возможно.

Я собиралась благополучно сбежать сейчас, но пол подо мной горит от стыда за свой вчерашний поступок.

Он что, хочет поговорить об этом? Разве мы не должны делать вид, будто этого не было?

– Я... у меня возникли... дела... – говорю расплывчато, и даже дураку понятно, что это чушь собачья.

Кажется, он сложил дважды два, потому что я не сомневаюсь в том, что лежащее перед ним дело – мое. И теперь он знает обо мне все, включая мое «семейное положение», и теперь уж точно догадывается о причинах моего вчерашнего трусливого бегства.

Его кресло скрипит за моей спиной. Сделав маленький вдох, оборачиваюсь.

Зеленые глаза впиваются в мое лицо, а мои... прилипают к ним в ответ. И это как гипноз! Просто смотрим друг на друга, и я даже не моргаю, пока он не делает этого первым.

Сложив на груди руки и вытянув под столом ноги в темно-синих джинсах и кроссовках, любезно говорит:

– Присаживайся.

С тоской посмотрев на стул, покусываю изнутри губу.

Кажется, я к этому не готова!

Проходя мимо ошипанного фикуса, неуверенно интересуюсь:

– Вы его что, на лабораторный материал разобрали?

Посмотрев на цветок и обведя языком зубы, ровно бросает:

– Ему со мной скучно.

– Эм-м-м... – бормочу, опускаясь на стул. – Кажется, он уже умер от скуки.

Подняв глаза, ловлю медленный взгляд на своих волосах, а потом на своем лице, и я вмиг забываю, о чем мы вообще говорим!

Я... сегодня хозяин этого чулана кажется мне моложе, чем раньше. Может, из-за того, что уличный свет так падает на его лицо, и я могу рассмотреть каждую деталь! А может, еще почему-то, но он кажется мне гораздо моложе, чем я привыкла считать, и от этого у меня в голове все перемешивается. Теперь разница между нами не кажется мне такой... ужасной, как раньше, и это приводит меня в дикое волнение.

Наши глаза сталкиваются опять, и, ерзая по стулу, начинаю краснеть, потому что меня к нему как магнитом тянет... К его телу, к его голосу... Что со мной такое?

Прижав к груди сумку, опускаю глаза.

Сделав очень глубокий вдох, он вдруг отворачивается к окну, говоря:

– У тебя удовлетворительная успеваемость по двум моим дисциплинам. Две сессии подряд.

Мое лицо вспыхивает.

Он что, собирается меня отчитывать?

– Тройка тоже оценка, – сообщаю ему.

– Так себе оценка, особенно если собираешься писать со мной диплом, – замечает он.

Глядя в стену за его плечом, запальчиво спрашиваю:

– Это что, ваши чувства оскорбляет, Александр Андреевич?

– Любовь Константиновна, – проговаривает с предупреждением, переводя на меня глаза. – Вы как-то не так со мной разговариваете.

Открываю рот, хлопая глазами.

Это разве не двойные стандарты?!

К своему ужасу выпаливаю раньше, чем успеваю подумать головой:

– Как с убийцей фикусов?

Его кулак с грохотом падает на стол.

Подпрыгнув на месте, лепечу:

– Я... наверное, пойду...

– Ты табличку на входе читала? – игнорирует, намекая на то, в чьем кабинете я нахожусь.

Я была бы ужасно рада, если бы это хоть как-то меня отрезвило!

– Читала, – говорю тихо и, не выдержав, сообщаю. – У меня тройки, потому что я не нравлюсь вашей коллеге.

Эта ведьма... меня просто ненавидит. Чтобы я не делала, все равно получаю чертову тройку.

– Ты при ней тоже все, что в голову взбредет несешь? – раздраженно спрашивает он.

– Нет, – шепчу, отворачиваясь к окну.

Кажется, это я делаю только при нем.

Я не знаю, что во мне так раздражает его дублершу. Это ужасно обидно, но жизнь вообще несправедлива!

– Поясни, – просит он.

Мне не хочется говорить об этом, но ведь он только что намекнул на то, кто у нас тут главный...

– Она занижает мои оценки, – продолжаю смотреть в окно. – Постоянно.

– Ты обвиняешь преподавателя в предвзятом отношении? – слышу его вкрадчивый вопрос.

– А что, такого разве не бывает? – смотрю на него упрямо.

– Не на моей кафедре.

– Вас ждет разочарование.

Молчит, глядя на меня исподлобья.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть.

– Пять минут, – кричит Романов, не отрывая глаз от моего лица.

Захлопнув картонную папку перед собой, отправляет ее в стопку бумаг на полу и встает, оттолкнувшись от стола руками. Подойдя к окну, упирается кулаками в подоконник и спрашивает:

– Хочешь, чтобы я сам у тебя экзамен принял?

Его вопрос застает меня врасплох!

Сам?!

Я не боюсь его экзамена...

Глаза без разрешения бегают по его телу. По широкой спине, ногам.

– Да... – отвожу взгляд, который скатился на его обтянутые джинсами узкие бедра.

– Уверена? – спрашивает, не оборачиваясь.

Облизнув губы, отвечаю:

– Да...

– Договорились, – усмехается, повернув голову. – Вопросы?

– Нет, – бросаю ему в спину.

– Тогда свободна.

Это... все?

Ну и прекрасно!

В три шага подлетев к двери, выскакиваю в коридор и врезаюсь в какого-то парня. Отскочив в сторону, бормочу:

– Извините...

Может быть, от этого столкновения мозги у меня встали на место, а может быть всему виной то, что рядом с Романовым я как пьяная, но только тут до меня доходит, что я вляпалась в какое-то дерьмо!

Глава 15

Романов

– Можно мне вместо микроскопа фейерверк? – тонкий голос племянника в трубке звучит бесхитростно.

Засунув в микроволновку контейнер с гречкой и курицей,ставляю двухминутный таймер.

– Уверен?

Если бы мне в пять лет подарили настоящий микроскоп, хоть и бэушный, я бы прыгал до потолка от счастья.

– Эм-м... угу... – зайдясь кашлем, лопочет он. – Можно мне микроскоп на какой-нибудь другой праздник? – пытается Мишаня быть вежливым и не посылать меня в задницу вместе с моим микроскопом открытым текстом.

– Без проблем.

– Папа подарил клюшку. Когда у меня температура пройдет, мы пойдем на каток.

– Круто, – упираюсь рукой в кухонную столешницу, наблюдая за тем, как вращается внутри микроволновки мой новогодний ужин. – Ну, ты не раскисай. Скоро будешь, как огурец.

– Угу... – снова кашляет он. – С Новым годом...

– Взаимно, – оборачиваюсь на залп салюта за окном.

Бомбит без перебоя со всех сторон.

– Мама просит трубку.

– Ага, – иду в коридор, ориентируясь на пищание брелока сигнализации своей машины.

– С Новым годом, – после короткой возни, слышу в трубке голос сестры.

– И тебя, – обшариваю карманы куртки.

– Как дела?

– В норме.

– Можешь кое-что передать своему другу? – раздраженно спрашивает Оля.

– Ты имеешь в виду Чернышова? – уточняю, отключая сигнализацию и подумывая о том, чтобы загнать машину в гараж.

– Да, я имею в виду его.

– Кхм... – смотрю на часы.

Начало первого ночи, а у меня никаких планов.

– Мы не так часто видимся, – говорю ей.

– А что так? – иронизирует она. – Таскаться по Куршавелям с потаскухами у него время есть, а с боевым товарищем встретиться нет?

– Оль, – вздыхаю. – Я не в курсе его передвижений.

– Ладно, – отрезает зло. – Просто передай ему, что если он подарил сыну клюшку, это значит, что на каток они должны сходить в этом году, а не в следующем.

– Тебе не кажется, что подобные вещи ты должна обсуждать с ним лично?

– Мне так не кажется, – рычит она. – Если мы встретимся лично, боюсь, эту клюшку засунуть ему в задницу!

– Может, поэтому он тебя за километр и обходит? – нахожу я гребаную логику.

– Не поэтому! А потому что он безответственный мудака!

Так, ладно.

– Это тоже передать?

– Это он и так знает, – любезно сообщает она.

– Спасибо за еду, – закрываю тему, проходя через гостиную и поднимаясь на второй этаж.

– Пожалуйста, – фыркает она. – Ты, может, в следующий раз женишься на малолетке, которая хотя бы плитой пользоваться умеет?

– У тебя сегодня месячные? – раздражаюсь, доставая из шкафа толстовку.

– Когда женщина обсуждает что-то поважнее минета, это значит у нее месячные?

– Ты закончила? – захлопываю ящик.

– Да!

– Вот и отлично, – нажав отбой, швыряю телефон на кровать.

Достало это дерьмо.

Стянув шорты, бросаю их на кресло и натягиваю джинсы. Надев толстовку, сбегая вниз, чувствуя полное отсутствие дьявольского аппетита и полное нежелание сидеть на месте. Подумав минуту, обувая кроссовки и надеваю пуховик.

На улице мелкий снег и ощущение апокалипсиса. Ухо закладывает от близкого выстрела фейерверка. Гирлянду на крыльце коротит, но ковыряться с ней нет никакого желания, как и разгребать снежный завал во дворе, поэтому иду в гараж и достаю из запасного холодильника бутылку красного марочного вина, а потом выхожу за ворота, саданув ногой по почтовому ящику, чтобы сбить с него снег.

Из-за двухметровой ограды дома напротив несет шашлыками. Метрах в десяти два подростка начинают сугроб петардами.

Застегнув куртку, перехожу на легкую трусцу, двигаясь вниз по улице. Через четыре дома сворачиваю направо. Компания человек в пять зажигает по кругу бенгальские огни.

– С Новым годом! – летит в меня чей-то смех.

– С Новым годом, – трушу мимо, чувствуя, как от холода начинают гореть уши.

Пройдя мимо единственного круглосуточного супермаркета, сворачиваю на параллельную улицу и через минуту добираюсь до нужного дома. Зажав звонок в кованой калитке, прыгаю на месте, чтобы не отморозить зад.

– Санечка! – визжит хозяйка, повисая на моей шее и обволакивая запахом терпких духов.

– Ты один?

– Как видишь, – улыбаюсь, получая легкий поцелуй в щеку и вручая ей бутылку.

– Пошли, пошли, пошли... – смеется Таня, затягивая меня во двор. – Холодно...

На ней чумовое платье с блестками и кроссовки мужа на ногах.

– Знаешь, кто ты, Романов? – тараторит, семеня по расчищенной дорожке. – Ты жук! Сто лет тебя не видела!

– Работа, – поднимаюсь вслед за ней на крыльцо, пожимая руку мужикам.

– Саня, – лыбится Калинин. – Ты когда в мой ресторан придешь? – смакует свою сигару. – Знаешь, сколько я за этого шефа отвалил?

– Не вижу, чтоб ты бедствовал, – усмехаюсь, рассматривая его холеную рожу.

– Чтоб не бедствовать у меня жена финдир, – прижимает к себе Таню. – У нее в башке калькулятор.

Стоящий рядом Чернышов молча затягивается своей сигарой, с философской миной глядя в пространство.

Сообщать ему о том, что вместо него мозг вынесли мне, не вижу смысла. Короткая прогулка по улице мои мозги немного проветрила, и все бесит меня уже не так остро.

– Отнесешь на кухню? – возвращает Таня мне бутылку.

– Не вопрос, – захожу в дом.

От детского визга и топота морщусь. Расстегнув куртку, снимаю кроссовки.

В кармане куртки опять пищит сигнализация.

Да твою ж мать!

Достав брелок, опять отключаю.

– Неужели я не сплю... – слышу за спиной и разворачиваюсь.

Мою шею обвивают руки Марго. На автомате обнимаю за талию и прижимаю к себе. Тело мгновенно реагирует на каждую сногшибательную округлость, и на то, что одета она в тонкое шелковое платье.

– С Новым годом... – улыбается, вставая на носочки, и без раскачки одаривает меня поцелуем.

Ее новые губы поразительно мягкие.

Не пойму, какого хрена мы не пересеклись за последние две недели?

У нее всегда одни духи. Сколько ее знаю.

Поставив на комод бутылку, сжимаю ее затылок и наваливаюсь на эти губы как животное. Она вздрагивает и трется о меня. Моя реакция очевиднее некуда. С напором толкаю язык. Ее рука скатывается вниз и сжимает мою ширинку.

– Вау... – шепчет, глядя на меня полупьяно. – После развода у всех так?

– Не проверял, – закрываю тему.

Я бы мог сказать, что моя реакция имеет какое-то отношение к чувствам, но правда в том, что мне просто нужна женщина.

– Хочешь в гости зайти? – усмехаюсь, глядя в ее запрокинутое лицо.

– Уже давно, – облизывает она губы, пристально смотря в мои глаза. – Только не сейчас. Там Севастьянов. Мне с ним нужно почирикать.

Из гостиной доносятся голоса и смех. Народу здесь как всегда полно.

– Присоединишься? – обнимает меня за талию.

– Угу, – снова смотрю на нее.

Покружив глазами по моему лицу, медленно отстраняется.

– Да что ж такое, – рычу, нащупывая в кармане брелок.

Глядя на дисплей, жму на кнопку. Затыкается, а потом опять срабатывает сигнализация.

Твою мать.

Разблокировка дверей не срабатывает, слишком большое расстояние. Брелок орет, как бешеный.

– Ой, да забудь, – снова прижимается ко мне Маргарита. – Пошли... я тебя накормлю...

– У соседей ребёнок маленький, – снимаю с себя ее руки, начиная обуваться. – Нужно отключить.

– Ты такой правильный, Романов, – дует она губы, отходя на шаг.

– Скоро вернусь, – бросаю на неё насмешливый взгляд, выходя за дверь.

– Ты что, уже уходишь? – возмущается Таня.

– Сигнализацию прибило, – сбегая по ступенькам, застёгивая куртку. – До дома сгоняю.

– Тебя добросить? – кричит вслед Чернышов.

– Сам, – отвечаю. – Ножками.

Отойдя от дома метров на десять, пробую опять.

Бесполезно.

Затолкнув в карманы руки и накинув капюшон, быстро шагаю, скрипя снегом. Вынырнув из-за угла продуктового магазина, решаю заглянуть в него за презервативами и торможу на месте в дебильном неверии.

Глядя на освещенный фонарём пяточок парковки, бросаю в чёрное небо:

– Да что ж такое!

Глава 16

Романов

В последнее время мне начинает казаться, что город с населением в полмиллиона человек – это дырявая обувная коробка, потому что в тридцати метрах вдоль древнего зеленого внедорожника расхаживает... твою мать... Стрельцова.

Люба.

Одетая в толстый серый пуховик почти до самых пяток и шапку с большим меховым помпоном. Подкрученные рыжие волосы разбросаны по плечам, на ногах меховые ботинки, будто у нас тут Северный Полюс и бегают пингвины. И то, что я не могу слету определить, радоваться мне или плакать, напрягает. Как и то, что я двигаюсь на нее быстрее, чем успеваю определиться.

Маленькая лгунья, какого хрена она тут делает?

Две недели про нее не вспоминал, дел по горло. Она тоже не высывалась. Бойтся. И правильно делает, я ей не пацан какой-нибудь. И я ни при каких обстоятельствах не свинячу там, где провожу семьдесят процентов своей жизни,

то есть на своей работе, которую в основном люблю, а иногда люблю очень горячо, особенно когда вижу результаты многолетнего труда. Я тщеславный. Но единственное слово, которое я уважаю больше остальных – это «профессионализм», и оно противоречит понятию – «пускать в штаны своих студенток».

Черт. Брелок в моем кармане продолжает сигналить, и уже через четыре шага я понимаю, что радости во мне гораздо больше, чем всего остального, потому что общение с ней – это как в одно лицо съесть мешок сладких мандаринов.

Обернувшись на звук моих шагов, она округляет маленький пухлый рот и расширяет глаза, замерев. Смотрит в мое лицо, и я на секунду отключаюсь от реальности, застигнутый врасплох, потому что на ее веках и вокруг глаз голубой пылью рассыпаны блестки, а на кончиках ресниц висят крошечные стразы.

Смотрю на нее в полном ступоре, подойдя почти вплотную.

Твою мать...

Рот сам собой разъезжается в туповатой улыбке.

Подняв ко мне лицо, облизывает губы.

Туплю так долго, что это даже неловко.

Вижу, как тянет носом воздух. Как тянется вперед, делая полшага навстречу. Сжимаю кулак, чтобы прикончить внезапное желание обнять ладонью маленький точеный подбородок и провести пальцем по розовым губам, которые, и это не гребаное открытие для меня, мог бы сожрать, если бы у меня совсем не было мозгов.

Очередь салютных залпов где-то за спиной приводит в чувства.

Люба вздрагивает, поднимая глаза.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/letova_mariya/zapret-na-studentku

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)